

Интонационные стратегии незавершенного текста

В работе Падучева (1989: 18) «Предлагаются правила, которые описывают сочетаемость тоновых групп в составе допустимых интонационных контуров предложений и, тем самым, порождают интонационные контуры предложений произвольной длины и синтаксической сложности». В данной работе мы надеемся продвинуться по пути, проложенному Е.В. Падучевой, и предложить новые правила, которые отражают сочетаемость локальных, т.е. ограниченных масштабами предложения, коммуникативных смыслов, таких как тема и рема, с дискурсивными показателями незавершенности текста и позволяют вычислять тональные средства выражения этих смыслов и их композиций (скажем, сочетания значений ‘рема’ плюс ‘незавершенность’), а также находить по заданной лексико-синтаксической структуре предложения слова-носители соответствующих тональных пиков.

Введение

Пример композиции коммуникативных значений представлен в предложении разговорной речи *Я тогда **пиджак**↘ **снял**↗...*, где, в соответствии с нашей гипотезой, которая обсуждается ниже, падение тона на дополнении *пиджак* служит показателем ремы, а подъем на глаголе – показателем того, что текст еще не кончился. В этом предложении мы наблюдаем характерное для русского языка раздельное – аналитическое – выражение локальных и дискурсивных значений, когда у ремы и текстовой незавершенности разные акцентоносители.

В русском и в других языках распространен и другой тип выражения дискурсивной незавершенности, когда простое предложение в составе сложного концептуализуется как тема. Исходя из тех отношений, которые существуют между темой и ремой, тема включает в себе ожидание ремы, т.е. тоже представляет собой род незавершенности. Так, предложение с лексико-синтаксической структурой, приведенной выше, в роли темы может быть реализовано с подъемом на словоформе *пиджак*: *Я тогда **снял пиджак**↗...* Дискурсивной незавершенности в чистом виде здесь нет, но есть близкое незавершенности значение темы, которое в составе сложного или простого, но распространенного предложения, включающего однородные группы, может служить для моделирования структуры, подобной связному нарративу: *Я тогда **снял пиджак**↗, **поскорее побежал на почту**↗, **дал жене телеграмму о снижении цен на фрукты**↗, **потому что личный покой прежде**↘ **всего**. В этом предложении, как минимум, три темы. Рема последнего предложения служит заключительной ремой всего фрагмента. При этом в последнем предложении *потому что личный покой прежде всего* может выделяться и его внутренняя (четвертая в составе этого сложного предложения)*

тема *личный покой* с акцентоносителем *личный*: потому что *личный*↗ покой *прежде*↘ всего. Словоформа *личный* служит здесь акцентоносителем темы, потому что отражает противопоставление личных интересов говорящего интересам других людей.

В нарративе такие сложные предложения-тексты даже могут быть не завершены ремами, потому что говорящий, не закончив повествования, переключается на другой сюжет. В таком случае незаконченным остается не только повествование, но и незавершенный ремой речевой акт, ср. фрагмент из речи ребенка о том, какой он видел сон: *Она бежала*↗, *ударилась*↗ *обо что-то*, *потом упала*↗, *из носа текла кровь*↗, *я подошел*↗, *испугался*↗... О базе данных устных отчетов детей об их сновидениях, из которой почерпнуты многие приводимые здесь примеры, см. Кибрик, Подлеская 2003.

Этот последний тип незавершенности, при котором отсутствует различие между темой и незавершенностью, и граница между предложением и текстом, соответственно, стирается, мы называем синтетическим, потому что категории предложения и текста имеют здесь единый акцентоноситель. Именно этот тип поддержания незавершенности текста мы наблюдаем в большинстве западно-европейских языков.

Единицы, подобные падениям и подъемам в приведенных выше примерах, мы рассматриваем как основные единицы интонации. Это двусторонние единицы, для которых релевантен ряд признаков, таких как способность быть носителем некоторого значения, фиксация на словоформе-акцентоносителе, которая выбирается согласно определенным правилам, тонально-темпоральные характеристики, такие как движение тона на ударном слоге акцентоносителя и заударных слогах, если они есть, растяжки, аллегро и др. признаки. Эти единицы мы называем акцентами. Они близки интонационным конструкциям Е.А. Брызгуновой (Русская грамматика 1982: 97-101). Акценты складываются в интонационные контуры предложений. Акценты мы считаем элементами интонационной фонологии. Это не-атомарные единицы, они представимы в виде структур своих элементов с учетом специфики наложения на несущий сегментный материал.

Рассмотренные выше два типа выражения текстовой незавершенности, аналитический и синтетический, могут дополнительно осложняться значениями контраста, эмфазы и верификации, что меняет выбор акцентоносителей по сравнению с предложениями в отсутствие этих значений¹. Так, в незавершенном предложении с контрастом *<Он не привязан,> а **прибит**↘ **гвоздями***↗... выбор акцентоносителей не такой, как если бы контраста *привязан vs. прибит* не было. Тогда распределение

¹ Определения модифицирующих коммуникативных значений – контраста, эмфазы и верификации – см. в нашей работе Янко 2001: 47, 65, а здесь поясним, что контраст традиционно связывается с выбором из некоего известного заранее говорящему и слушающему множества и соотношением текущего высказывания с некоторым известным мнением, предположением или ожиданием, а эмфаза – с нарушением норм жизни и выражением говорящим сильных чувств по поводу ненормативных явлений. Для контраста и эмфазы в нашем понимании существенно, что эти значения последовательно соединяются с коммуникативными значениями, формирующими компоненты предложений, – темами, ремами, компонентами вопросов и императивов – с образованием контрастных и эмфатических тем, рем, контрастных и эмфатических компонентов вопросов и императивов. В предложении могут быть контрастная тема и простая рема, простая тема и контрастная рема или тема и рема контрастные. Своей первичной иллокутивной силы сообщения, вопросы и императивы от композиций с контрастом, эмфазой и верификацией не теряют. Так, в предложении *Его новая книга нравится мне больше предыдущей* контрастная тема *новая*, а в предложении *У тебя уже есть сын?!* эмфатический вопросительный компонент *сын*.

акцентов было бы *Он звездами* \ прибит /..., т.е. в соответствии с моделью, представленной в примере *Я тогда пиджак* \ снял /...

Далее. Дополнительные дискурсивные значения, соединяющиеся с незавершенностью, могут привноситься в предложение и с помощью разнообразия восходящих акцентов, которых в русском языке более одного. Поясним это положение. Выше, говоря о подъеме тона, мы приводили примеры с типичным (наименее семантически нагруженным) русским подъемом тона типа ИК-3 (по Брызгуновой), при котором на ударном слоге словоформы-акцентоносителя фиксируется подъем, а на заударных, если они есть, падение (заударная редукция). Между тем, если на акцентоносителе фиксируется подъем с относительно ровными и растянутыми заударными по типу ИК-6, предложение включается в контекст мечтательного воспоминания *Я тогда пиджа-акг* \ сня-ял, телеви-изорг \ включил... Подъем же на заударных по типу ИК-4, которому предшествует падение (или ровный низкий тон) на ударных, или, в отсутствие заударных, нисходяще-восходящий тон на ударном слоге акцентоносителя, привносит в повествование семантику педантичного рассказа «по порядку», когда говорящий заранее очерчивает для себя множество событий или объектов, о которых он собирается говорить, и выстраивает их в цепочку, т.е. задает на этом множестве отношение линейного порядка: *Я тогда снял пиджак* \ /, включил телевизор \ /...

Семантику, привносимую типом восходящего акцента, и ее возможную сочетаемость с двумя выделенными выше стратегиями – аналитической и синтетической – мы в данной работе оставим в стороне. Заметим только, что в русском языке основным немаркированным акцентом темы и незавершенности служит акцент типа ИК-3 (по Брызгуновой) с падением на заударных, если они есть. В других же языках, например в немецком и в польском, немаркированным способом выражения текстовой незавершенности служит акцент типа русского ИК-4 с подъемом на заударных или конечной части ударного слога, если заударных нет. При этом никакой особой семантики рассказа «по порядку», как при русском ИК-4, здесь не возникает. Для немецкой же темы характерен акцент типа русского ИК-3, а в польском тема может характеризоваться как акцентом типа ИК-3, так и акцентом типа ИК-4. Эти сведения мы приводим здесь для того, чтобы лишний раз показать, что тип акцента привносит в предложение особую семантику, что в разных языках эта семантика различна и что в качестве немаркированного типа указания на тему и незавершенность в языках могут использоваться разные акценты.

Цель данной работы выделить стратегии указания на незавершенность в русском языке, в частности, в композиции с контрастом и эмфазой, определить набор и линейную последовательность акцентоносителей в предложении, а также показать, что выделенные здесь стратегии и их комбинации с контрастом и эмфазой – разные.

В разделе 1 рассматривается стратегия манифестации незавершенности, при которой маркером незавершенности служит сказуемое, как в предложении *Я тогда пиджак* \ снял /... В разделе 2 рассматривается стратегия незавершенности, при которой начальные предложения в составе сложного

(или распространенного предложения с однородными членами) оформлены как темы, как в рассмотренном выше примере *Она бежала↗, ударилась↗ обо что-то, потом упала↗, из носа текла кровь↗, я подошел↗, испугался↗...* В разделе 3 рассматриваются стратегии незавершенности, осложненной контрастом и эмфазой (раздел 3.1), а также верификацией (раздел 3.2).

1. Конечное сказуемое как показатель незавершенности

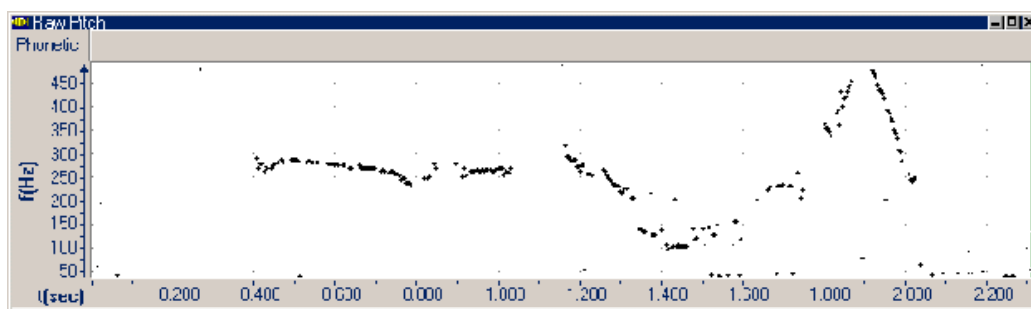
В данном разделе мы обратимся к стратегии, проиллюстрированной во Введении при постановке задачи предложением *Я тогда пиджак↘ снял↗...* Рассмотрим эту стратегию более детально и в контексте большего числа примеров. Обратимся к фрагменту из рассказа маленького мальчика о том, какой он видел сон.

(1) *Стоял я с тетей Наташей возле двери, а мышь вот эта вот была в подвале. Да, около подвала, ну вот. Она на меня как поползла, я ее ногой хотел убить, а потом, – это – рукой прихлопнуть. Она меня вот сюда вот укусила, мне тетя чё-то сказала: ... Укус это ... чё-то там надо...чё-то... уколы делать.*

Рассмотрим предложение (1а) – фрагмент текста (1) – и соответствующую ему Тонограмму 1.

(1а) *Она меня вот сюда↘ вот укусила↗...*

Тонограмма 1

Она меня вот сюда↘ вот укусила↗...

Тонограмма показывает, что в этом предложении два тональных пика: падение типа ИК-1 на *сюда* и подъем на *укусила*. Мы можем видеть существенное повышение частоты на ударном слоге *-си-* глагола *укусила*. Заударный слог *-ла* характеризуется заударным падением с большим перепадом частоты. Это типичный пример акцента типа ИК-3. Оба акцента – на *сюда* и на *укусила* – явственно вычленимы с перцептивной точки зрения и их графики обнаруживают существенные перепады частоты основного тона. Возникают два вопроса: что обозначают эти акценты и почему каждый из них фиксируется на этих, а не на других словоформах?

Акценты, совершающиеся в больших диапазонах частот, заставляют предположить возможный контраст. Однако, как кажется, когда мальчик говорит, что мышь укусила его «вот сюда», т.е. в руку, это не значит, что он хочет подчеркнуть, что мышь укусила его в руку, а не в какое-нибудь другое место. В данном предложении мы не видим никаких необходимых для контраста противопоставлений, ни эксплицитных, ни подразумеваемых. Для того чтобы это продемонстрировать, мы приводим анализируемое предложение не изолированно, а в контексте (1). Мальчик просто сообщает о том, куда укусила его мышь. Если перед нами просто сообщение, возникает гипотеза о том, что словоформа *сюда* – это акцентоноситель сообщаемой части предложения, или ремы: акцентоноситель ремы выбран здесь в полном соответствии с правилами выбора акцентоносителей в ремах с синтаксической структурой глагольной группы VP (эти правила см. в наших работах Янко 1991; 2001: 190). Акцент на словоформе *сюда* – как и должно быть у ремы – нисходящий. Итак, предположительно, перед нами рема, и словоформа *сюда* – ее акцентоноситель. Дополнительным аргументом в пользу этого решения может служить сравнение предложения (1a) с предложением (1b), у которого та же лексико-синтаксическая структура, что и у (1a), но акцентоноситель ремы расположен в конце предложения, т.е. в «дефолтной», немаркированной, позиции.

(1b) *Она укусила меня вот сюда*↘.

Мы видим, что акценты (падение тона) и акцентоносители падения в предложениях (1a) и (1b) совпадают.

Обратимся теперь к глаголу *укусила* в примере (1a). Почему носителем восходящего акцента ИК-3 здесь служит глагол и что обозначает восходящий тон? Акцент на глаголе позволяет предположить верификацию в терминах П. Адамца (1978: 101-103): когда заранее известно, в чем именно состоит положение дел, но неизвестно, имело это положение дел место или не имело, то, когда это положение дел наконец наступает, говорят *-таки укусила, уже укусила* или просто интенсивное *укусила*. Другой пример: когда мы говорим *Вот Вася пришел, и мы все пошли гулять*, это значит, что приход Васи ожидался и когда он наконец наступил, мы пошли гулять. Здесь перед нами верификативная тема. Однако, что касается предложения (1a), ни о каком бы то ни было событии, которое ожидалось бы или о котором говорилось бы в предположительном смысле, ни в тексте, ни в экстралингвистическом контексте речи нет. Кроме того, если мы имеем дело с верификацией, то акцент на глаголе единственный, а в предложении (1a) два акцента: на *сюда* и на *укусила*. Значит, акцент на *укусила* не обозначает верификации.

Далее. Верификация – это частный случай контраста: выбор между «да» и «нет», «истина» и «ложь». Предположим, что здесь перед нами не верификация, а простой контраст типа *укусила, <а не поцеловала>*. Однако контекст говорит о том, что такого значения здесь тоже нет. Таким образом, апелляция к понятию контраста не объясняет распределения акцентов в предложении (1a).

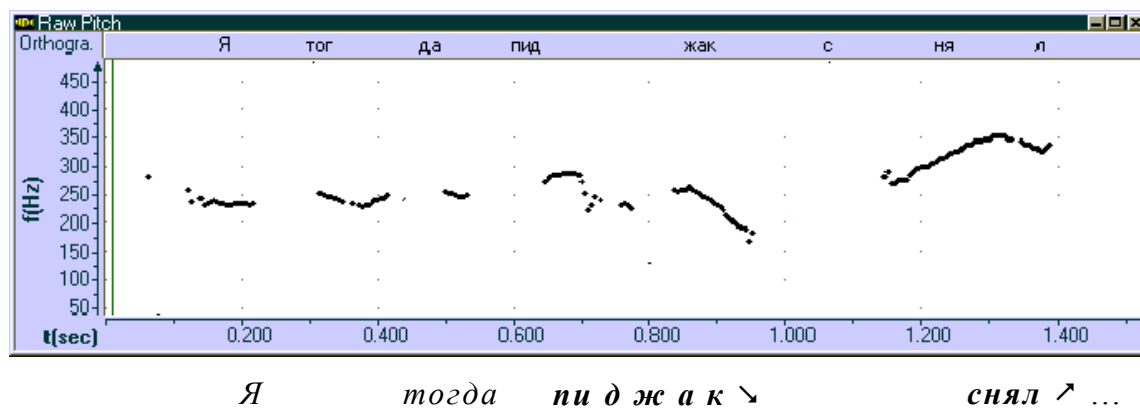
Обратимся к более широкому языковому материалу. Рассмотрим примеры с аналогичной коммуникативной и линейно-акцентной структурой, что и предложение (1a). Прежде всего, нашим требованиям отвечает пример *Я тогда пиджак \ снял ↗*..., к которому мы обращались во Введении:

(2)(a) *Я тогда пиджак \ снял ↗*, (b) *на почту \ поскорее побежал ↗*, (c) *жене телеграмму о снижении цен на фрукты \ дал ↗*. <Потому что личный покой прежде всего.>

Предложения (2a), (2b) и (2c) демонстрируют ту же коммуникативную и интонационную структуру, что и предложение (1a). Например, на тонограмме 2 предложения (2a) можно наблюдать подъем на *снял* в конце предложения и падение на *пиджак*.

(2a) Я тогда пиджак \ снял ↗ ...

Тонограмма 2

Заметим, что для получения тонограммы предложение (2a) было прочитано в лабораторных условиях информантами автора. Это отличает данный опыт от условий записи примера (1), взятого из спонтанной речи. Однако наши наблюдения говорят о том, что для анализа языковых (в противовес речевым) явлений одних только данных *in vivo* недостаточно. Без работы с лабораторными примерами *in vitro* интерпретация языковых явлений невозможна.

Если сравнить предложения (2) с их коррелятами (2.1) типа «тема-рема» с ремой в конце предложения, нетрудно заметить, что носители нисходящего акцента и в других предложениях примера (2) совпадают с акцентоносителями ремы в предложениях (2.1):

(2.1)(a) *Я тогда снял пиджак *; (b) *Я побежал на почту *; (c) *Я дал жене телеграмму о снижении цен на фрукты *.

Вернемся к предложениям (2). Что касается восходящего тона в предложениях (2), то он фиксируется опять же на глаголе, как и в (1a). Итак, наша гипотеза в отношении предложений (1a) и (2) состоит в том, что ударность глагола указывает на то, что текст еще не кончился, т.е. функция подъема

на глаголе не локальная, а дискурсивная. Ударность глагола направлена на связь с текстом. Поэтому предложение (1a) следует сравнить с его минимальной парой предложением (1с), в котором никакого указания на то, что продолжение следует, нет:

(1с) *Она меня вот сюда* ↘ укусила.

Глагол здесь, как и следовало ожидать, «безударен»².

Сделаем здесь терминологическое уточнение, которое касается положения о глаголе как показателе незавершенности при использовании анализируемой здесь стратегии. Более точно здесь было бы говорить не об акцентировании глагола, а сказуемого, ср. пример (2.2) с нефинитным сказуемым в роли акцентоносителя незавершенности:

(2.2) *У меня пиджак* ↘ снят ↗, *воротник* ↘ *растянут* ↗, *телеграмма жене* ↘ дана ↗...

Однако выше, говоря о незавершенности типа *пиджак* ↘ *снят* ↗, мы пользовались термином «глагол», так как глагол – это прототипическое сказуемое и статистически большинство восходящих акцентов незавершенности при использовании рассматриваемой здесь стратегии приходится именно на финитную форму глагола. Между тем финитный глагол, в свою очередь, служит акцентоносителем верификации, и при ударности глагола приходится выяснять – что перед нами: незавершенность или верификация? Это объясняет то, что при сравнительной «диагностике» незавершенности и верификации мы пользовались термином «глагол», хотя в применении к незавершенности более точно было бы использовать термин «сказуемое».

Итак, анализируемая линейно-акцентная стратегия характеризуется падением на акцентоносителя ремы и подъемом на сказуемом. Падение в линейной цепочке коммуникативно релевантных акцентов предшествует подъему. Стратегия поддержания связности текста со сказуемым в роли маркера незавершенности используется, когда говорящий хочет выразить, что каждое событие в цепи передаваемых событий мыслится как отдельное и что описание этого события «продвигает» повествование вперед. Это особая стратегия русского языка, при которой для ремы и незавершенности предусмотрены отдельные акцентоносители. Такой тип выражения незавершенности мы называем аналитическим. Он встречается не во всех языках.

2. Множественные темы

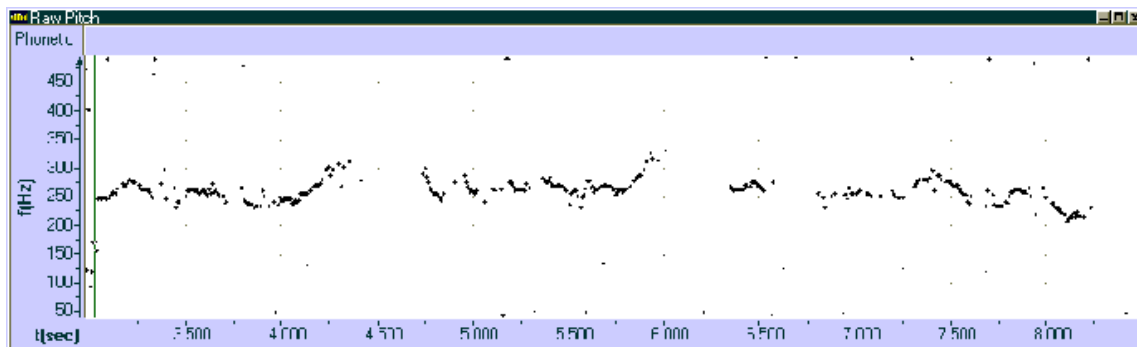
Обратимся к другой стратегии поддержания связности текста. Эту стратегию иллюстрирует пример (3), который тоже взят из рассказа ребенка. Эта стратегия основана на принципе множественных тем:

² «Безударность» здесь понимается в смысле отсутствия коммуникативно релевантных акцентов.

неконечные предложения фрагмента, реализующего эту стратегию, играют роль тем, конечное предложение – рема. Выбор акцентоносителя при такой стратегии следует правилам выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей с синтаксической структурой целого предложения S.

(3) *За мной бегала **баба-яга**↗, я от нее **бегу**↗, <и думаю, куда же мне **побежать**↘>.*

Тонограмма 3

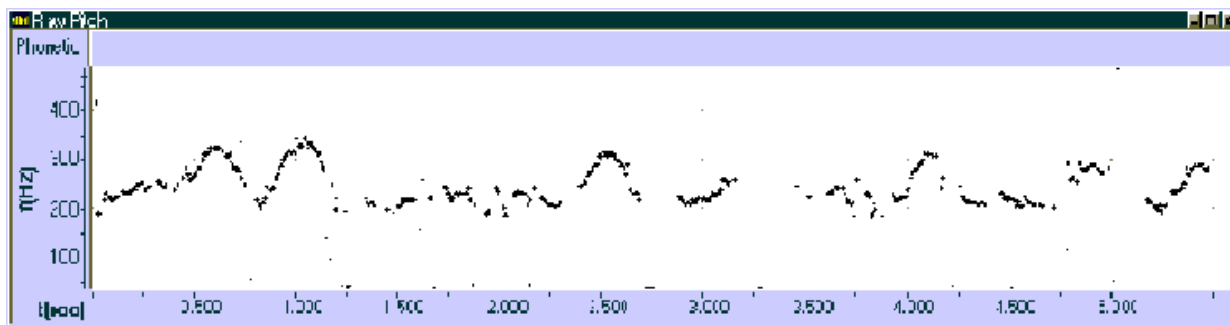
*За мной бегала **баба-яга**↗, я от нее **бегу**↗, и думаю, куда же мне **побежать**↘.*

Тонограмма 3 демонстрирует два явных подъема на акцентоносителях *баба Яга* и *бегу*. Это акцент типа ИК-3 в отсутствие заударных слогов.

При такой стратегии события могут пониматься как одновременные или как последовательные, но никакой внутренней законченности каждому из этих событий в отдельности не приписывается. Скорее, они рассматриваются как сюжетный фон для какого-то более важного события. Приведем также тонограмму примера, к которому мы уже обращались во Введении. Здесь этот пример приводится под номером (4). Это тоже фрагмент из реальной речи.

(4) *Она бежала↗, ударились↗ обо что-то, потом упала↗, из носа текла **кровь**↗, я подошел↗, испугался↗...*

Тонограмма 4

*Она бежала↗, ударились↗ обо что-то, потом упала↗, из носа текла **кровь**↗, я подошел↗, испугался↗...*

Тонограмма 4 ясно показывает, что на словоформах *бежала, ударилась, упала, кровь, подошел* и *испугался* фиксируется акцент типа ИК-3. Акцентоносители выбраны в полном соответствии с правилами выбора акцентоносителей, имеющих синтаксическую структуру целого предложения S, и с учетом фактора активации (правила см. в Янко 1991; 2001: 190).

Покажем теперь, что стратегия множественных тем применима и к лексико-синтаксической структуре (2) о пиджаке. Для удобства сравнения повторим здесь пример (2) под номером (2.3). Вслед за ним приведем пример (2.4), в котором тот же сюжет изложен с использованием стратегии множественных тем, которая рассматривается в данном подразделе:

(2.3) (a) Я тогда *пиджак*↘ *снял*↗, (b) на *почту*↘ *поскорее побежал*↗, (c) жене телеграмму о снижении цен на *фрукты*↘ *дал*↗. <Потому что личный покой прежде всего.>

(2.4) (a) Я тогда снял *пиджак*↗, (b) *поскорее побежал на почту*↗, (c) дал жене телеграмму о снижении цен на *фрукты*↗, <потому что личный покой для меня всегда прежде всего.>

Примеры (2.3) и (2.4) демонстрируют разные способы «упаковки» одной и той же информации. Указание на то, что текст еще не кончился, есть и в (2.3) и в (2.4). Это говорит о том, что одни и те же события могут излагаться разными способами в зависимости от коммуникативных стратегий говорящего. Эти стратегии затрагивают не только коммуникативную и соответствующей ей линейно-акцентную структуру предложения. Они также имеют выход в текст, указывая на то, что продолжение повествования следует.

3. Незавершенность во контексте контраста, эмпазы и верификации

В данном разделе рассматривается незавершенность, у которой, как и у стратегий, рассмотренных в разделах 1 и 2, основным средством выражения служит акцент типа ИК-3, но где выбор акцентоносителей не укладываются в картину, представленную в разделах 1 и 2. Основная задача данного раздела – проанализировать типы незавершенности, не совпадающие с рассмотренными выше, и выяснить, в чем различия.

3.1. Незавершенность в контексте контрастной и эмпатической ремы

Как было показано в разделе 1, выражением одной из стратегий незавершенности служит восходящий акцент типа ИК-3 на сказуемом плюс предшествующий нисходящий акцент типа ИК-1 на акцентоносителе ремы (если акцентоноситель ремы не глагол³), ср. примеры (1a) и (2). Между тем в

³ Если акцентоноситель ремы – глагол, на него приходится сразу две роли – быть акцентоносителем ремы и незавершенности одновременно. В таком случае на глаголе фиксируется композиция нисходящего («рематического») и восходящего (показателя дискурсивной связности) акцентов. Она реализуется в виде ИК-4, однако, как кажется, этот акцент

речи мы сталкиваемся с примерами незавершенности, в которых тоже имеется последовательность акцентов ИК-1—ИК-3 (или ИК-2—ИК-3⁴), однако, с иным, чем в примерах (1а) и (2), выбором носителей соответствующих акцентов. Рассмотрим группу примеров (5)-(9) из базы отчетов детей об их сновидениях.

(5) *Не сходила* ↘ *так в туалет* ↗...

(6) *Он не привязан, а прибит* ↘ *звездами* ↗...

(7) *Это была третья* ↘ *часть моего сна* ↗...

(8) *Там я ходил еще* ↘ *по какому-то лабиринту* ↗...

(9) *Не хотелось* ↘ *мне этого делать* ↗...

Можно заметить, что в примерах (5)-(9) представлены разнообразные ситуации, связанные с контрастом. Так, в примере (5) говорящий корректирует ожидания слушающего, который должен был бы предположить, что говорящий реализовал свое намерение. Это намерение, между тем, осталось неосуществленным, рассказчица подчеркивает: *так и не сходила*.... В примере (6) контраст выражен эксплицитно: *не привязан, а прибит*.... В примере (7) контекст подсказывает, что третьей части сна предшествовали первая и вторая и что говорящий фиксирует внимание слушающего на переходе именно к третьей части. В примере (8) фигурирует слово *еще* в его контрастном употреблении. Оно здесь обозначает, что говорящий раньше уже ходил по лабиринту, и в точке отсчета ему приходится снова ходить по лабиринту, об этом значении *еще*, требующем интонационного акцентирования *еще* см. Николаева 1985: 69, 122. За всеми этими ситуациями стоит некоторое сопоставление или противопоставление объектов или ситуаций, т.е. примеры (5)-(8) содержат в себе лингвистические или экстралингвистические контексты контраста. И наконец, в примере (9) мы наблюдаем не контраст, а, скорее, эмфатическое выделение, связанное с выражением чувств говорящего, никак не желающего делать то, что вынуждают его обстоятельства: *Ну не хоте-лось*... Эмфаза, как и контраст, требует особого акцентного выделения. Об интонировании контраста и эмфазы см. Янко 2001: 95, 119-121.

Таким образом, наше предположение состоит в том, что русский язык располагает средствами для композиционного выражения в одном предложении сразу трех коммуникативных значений: ремы (собственно иллокутивного значения), контраста и дискурсивной незавершенности. Акценты и акцентоносители в таком случае выбираются в соответствии со следующими принципами. Контраст и рема выражаются синкретично. В контрастной реме акцентоноситель выбирается по правилам выбора

можно трактовать и как последовательность ИК-1+ИК-3, которая фиксируется на едином акцентоносителе: *Я его тогда снял* ↘ ↗...

⁴ С некоторой долей упрощения действительного положения дел будем считать, что ИК-2 – это «интенсивный» и совершающийся с большим, чем при ИК-1, перепадом частот вариант ИК-1. Более подробно о корреляции ИК-1/ИК-2 см. Янко 2001: 92:97.

акцентоносителя в контрастной коммуникативной составляющей (см. Янко 2001: 73)⁵. Он несет нисходящий акцент (ИК-1 или ИК-2), потому что маркирует рему, а то, что эта рема контрастная, выражается повышенной интенсивностью и увеличенным диапазоном частот. Акцентоноситель контрастной ремы располагается в цепочке релевантных акцентов на первом месте. Акцентоноситель же, связанный с выражением незавершенности, выбирается по правилам выбора акцентоносителя в ситуации, как если бы контраста в предложении не было, т.е. как это было бы в семантически наименее нагруженной – «дефолтной» – ситуации. Ср. (5a)-(9a), которые служат коррелятами (5)-(9) соответственно в отсутствие контраста и в отсутствие незавершенности.

(5a) *Я не сходила в туалет* ↘.

(6a) *Он прибит гвоздями* ↘.

(7a) *Это была третья часть моего сна* ↘.

(8a) *Там я ходил по какому-то лабиринту* ↘.

(9a) *Мне не хотелось мне этого делать* ↘.

Мы видим, что акцентоносители незавершенности в (5)-(9) совпадают с «дефолтными» акцентоносителями в соответствующих лексико-синтаксических структурах (правила выбора см. в Янко 1991; 2001: 190). Акцентоноситель незавершенности несет восходящий акцент типа ИК-3 и располагается на втором месте цепочки из двух релевантных акцентов.

При эмфазе распределение выбора акцентоносителей такое же, как при контрасте, но акцент, выражающий эмфазу, имеет интонационные признаки, характерные для эмфатической ремы. О толковании эмфазы и ее тональном выражении см. Янко 2001: 64-66, 118-120. Принципы распределения акцентоносителей при эмфазе не отличаются от таковых при контрасте, поэтому мы помещаем примеры на контраст ((5)-(8)) и эмфазу (9) в один список.

Покажем теперь, что тип акцентирования в предложениях (5)-(9) не такой, как при стратегиях, рассмотренных в разделах 1 и 2. Сравним акцентирование в примерах (5)-(9) с типом акцентирования (5b)-(9b). Этот тип имели бы лексико-синтаксические структуры (5)-(9) при стратегии, рассмотренной в разделе 1.

(5b) *Я в туалет* ↘ *не сходила* ↗... (ср. (5) *Я не сходила* ↘ *в туалет* ↗...);

(6b) *Он гвоздями* ↘ *прибит* ↗... (ср. (6) *Он прибит* ↘ *гвоздями* ↗...);

(7b) *Это уже третья часть моего сна* ↘ *была* ↗... (ср. (7) *Это была третья* ↘ *часть моего сна* ↗...);

(8b) *Там я по какому-то лабиринту* ↘ *ходил* ↗... (ср. (8) *Там я ходил еще* ↘ *по какому-то лабиринту* ↗...);

⁵Поясним, что в контрастной коммуникативной составляющей акцентоноситель выбирается в соответствии со следующими правилами. Если под контраст попадает референт одиночной словоформы, то она ударна и образует цельную контрастную составляющую. Если под контраст попадает референт составляющей, которая представляет собой именную группу (NP), глагольную группу (VP) или целое предложение (S), то акцентоноситель выбирается по правилам для именных, глагольных и сентенциальных групп соответственно.

(9b) *Мне этого **делать** \ не **хотелось** \...* (ср. (9) *Не **хотелось** \ мне этого **делать** \...*).

Значение контраста в искусственно сконструированных примерах (b) сходит на нет, но значение незавершенности текста здесь есть.

Итак, мы показали, что тип акцентирования, представленный в настоящем разделе 3.1, отличается от типа акцентирования, который представлен в разделе 1. Покажем теперь, что анализируемый здесь тип акцентирования, отличается и от стратегии с множественными темами из раздела 2.

Если бы в предложения с множественными темами был привнесен контраст, лексико-синтаксические структуры (5)-(9) имели бы другую расстановку акцентов, ср. например, контраст в контексте лексико-синтаксических структур (6) и (7):

(6с) *Он не привязан, а **прибит** \, и не за руки, а за рукава пальто* (ср. (6) *Он **прибит** \ **гвоздями** \...);*

(7с) *Это была уже **третья** \ часть моего сна, <и на этом меня разбудили >* (ср. (7) *Это была уже **третья** \ часть моего сна \...*).

В (6с)-(7с) незавершенность принимает облик темы, с которой скомпонован контраст. Это синтетическая стратегия с одним акцентоносителем, поэтому ее сравнительная «диагностика» не представляет трудности: в примерах (5)-(9) – два акцента. Примеры (6с)-(7с) можно назвать представителями стратегии множественных контрастных тем. Этот термин демонстрирует отличие, с одной стороны, от простых (не контрастных) множественных тем и, с другой стороны, от аналитической стратегии выражения незавершенности в контексте контраста. В результате мы показали, что стратегии, рассмотренные в разделах 1, 2 и 3.1, разные.

Итак, резюмируем. Русский язык разрабатывает специальную стратегию для выражения в предложении контраста/эмпфазы в композиции со значением дискурсивной незавершенности. Контраст в этом случае выражается интенсивным нисходящим акцентом на акцентоносителе, выбранном в соответствии с правилами русского языка для контрастным рем, а сам акцентоноситель располагается на первом месте в цепочке акцентоносителей. Акцентоноситель дискурсивной незавершенности выбирается по правилам выбора акцентоносителя ремы в соответствующем предложении без контраста и располагается на втором месте в цепочке акцентоносителей, т.е. тяготеет к концу предложения. Эту стратегию иллюстрируют примеры (5)-(9). Другим способом комбинации контраста и незавершенности служит стратегия множественных тем, осложненная контрастом, или стратегия множественных контрастных тем. Этот тип иллюстрируют предложения (6с) и (7с). Стратегия в (5)-(9) демонстрирует пример интонационного аналитизма, при котором для текстовой незавершенности выделяется отдельный акцентоноситель. При стратегии же в (6с) и (7с) отдельного акцентоносителя для текстовой незавершенности не предусмотрено. Следовательно, в русском языке есть, как минимум, два разных

способа выразить текстовую незавершенность в композиции с контрастом. В следующем разделе будет рассмотрена стратегия манифестации незавершенности в контексте верификации.

3.2. Незавершенность в контексте значений верификации, свершившегося факта и необходимого условия

Комбинация значений 'незавершенность' плюс 'верификация' (по Адамцу 1978) реализуется в рамках стратегии множественных тем, рассмотренной в подразделе 2. При этой стратегии незавершенность не отличается от темы. Верификация в контексте темы заслуживает отдельного рассмотрения, т.к. соединение значений 'тема' плюс 'верификация' дает идиоматичное значение, не всегда в точности сводимое к комбинации составляющих его значений. Таким оригинальным значением оказывается референция к положению дел, наступление которого служит условием для наступления другого положения дел или сигналом перехода к нему: 'Когда событие E_1 наступает/ становится фактом, становится возможным и событие E_2 '. В фокусе референции здесь не столько собственно положение дел E_1 , сколько понимание положения дел E_1 как свершившегося факта, позволяющего перейти к событию E_2 .

Значение сигнала к переходу от E_1 к E_2 , или условия E_1 , необходимого для реализации E_2 , весьма характерно для повествования именно о цепи событий: *Вот Вася **пришел**, и мы все пошли гулять*; *Вот Вася **придет**, и мы все пойдем гулять*; *Вот погода хорошая **будет**, и мы пойдем гулять*; *Вася **пришел**, и мы пошли гулять*; *Я из комнаты **вышла**, а там папа стоит*. Напомним, что показателем верификации как в контексте темы, так и в контексте ремы, служит выбор в качестве акцентоносителя глагола в личной форме.

В повествовательном монологическом тексте верификация в рамках темы встречается существенно чаще, чем верификация в рамках ремы, где верификация означает не сигнал и не условие, а имеет значение 'Е действительно имеет место в мире': *уже **пришел**, таки **пришел**, действительно **пришел***. Верификация в контексте ремы не требует продолжения и характеризует совсем другой тип текста: полемический диалог или дискуссию. При таком типе дискурса высказываются различные мнения, получающие впоследствии подтверждение – верифицирующиеся – или, наоборот, опровергающиеся. Так, лексико-синтаксическая структура *Я вышла из комнаты*, в контексте верификативной ремы реализующаяся как *Я **вышла** из комнаты*, может означать 'вышла, как и ожидалось', 'вышла, а можно было подумать, что не выйду', 'вышла, и это верно'. Это предложение также может быть ответом на вопрос *вышла или нет?* Все эти смыслы более сообразны диалогу, чем связному повествованию о цепи событий.

База данных рассказов детей об их сновидениях содержит примеры верификативной темы в большом количестве, что подтверждает наше предположение о том, что свершившийся факт, за которым следует его логическое продолжение, – это типичная ситуация повествования о цепи событий:

- (10) *А потом вот я **пошла** ↗ домой, а зайчик за мной бежал-бежал;*
 (11) *Собака **выходит** ↗ из будки, <а вместо того чтобы бежать со двора,> начинаю с ней биться>;*
 (12) *Затем видовцы **пришли** ↗, и перерисовали его⁶;*
 (13) *Я **посмотрела** ↗ на окно, там никого не было .*

Если бы говорящий использовал не верификативную стратегию сообщения о факте, а стратегию сообщения о неверифицированном событии, описанную в разделе 2, предложения с лексико-синтаксической структурой (10)-(13) имели бы другой акцентоноситель:

- (10а) *Я потом пошла **домой** ↗, а зайчик за мной бежал-бежал;*
 (11а) *Собака **выходит** из будки ↗, а я, вместо того чтобы бежать со двора, начинаю с ней биться;*
 (12а) *Затем пришли **видовцы** ↗, и перерисовали его;*
 (13а) *Я посмотрела на **окно** ↗, там никого не было.*

Ср. также другие пары уже фигурировавших выше примеров, где первый член пары реализует стратегию в режиме верификации, а второй – стратегию простых тем, рассмотренную в разделе 2: *Вася **пришел** ↗, и мы пошли гулять* vs. *Пришел **Вася** ↗, и мы пошли гулять*; *Вот погода хорошая **будет** ↗, и мы пойдем гулять* vs. *Вот **будет** хорошая погода ↗, и мы пойдем гулять*; *Я **вышла** ↗ из комнаты, а там папа стоит* vs. *Я **вышла** из комнаты ↗, а там папа стоит.*

Различие в семантике между (10)-(13) и (10а)-(13а) весьма тонкое: в примерах (10а)-(13а) акцент на том, в чем состоит событие (которое служит сигналом или условием для наступления нового положения дел), а в примерах (10)-(13) – акцент на том, что такое событие действительно имело или будет иметь место. Здесь противопоставлено представление о событии как таковом экзистенциальной семантике наступления такого события. Обе стратегии повествования широко распространены в устных рассказах.

Информация, содержащаяся в примерах (10)-(13), может быть «упакована» (в терминах У. Чейфа) и в формате стратегии с ремой в первом предложении, т.е. когда семантика незавершенности вообще остается невыраженной:

- (10b) *Я пошла **домой** \. А зайчик за мной бежал-бежал.*
 (11b) *Собака **выходит** из будки \. И я начинаю с ней биться.*

⁶ Видовцы – сотрудники телекомпании ВИД.

В примерах (10b) и (11b) перед нами стратегия с простыми (не-верификативными) ремами. Между тем, стратегия с верификативной ремой (в отличие от верификативной темы) в изложении неконечного события в цепи событий выглядит совсем неуместно:

(10c) *Я пошла*↘ домой. А зайчик за мной бежал-бежал.

(11c) *Собака выходит*↘ из будки. И я начинаю с ней биться.

Мы видим, что интерпретация верификативной ремы требует не нарративного, а диалогического или внутренне полемического контекста. Можно предположить, что при изложении цепи событий верификация естественно совместима только с темой. Тогда она служит для референции не столько собственно к событию, сколько к факту его наступления: наступление одного события дает «зеленый свет» для следующего.

Итак, контекст верификативной темы служит основой для выработки дискурсивного приема, который применяется при изложении цепи событий, где одно – не первое – событие наступает после того, как реализовалось предыдущее положение дел. Первое служит второму условием или сигналом к наступлению. Противопоставление верификативных тем верификативным ремам лишней раз демонстрирует необходимость различения двух типов дискурсивной связности – связности монологического текста, функция которой указывать на то, что продолжение повествования следует, и связности диалога, функция которой – в поддержании адекватности диалогических реплик: получения ответов на вопросы, построение подтверждений высказанных ранее гипотез и ожиданий, опровержений ложных заключений и др. Для первого типа связности русским языком разработана, в частности, стратегия, в основе которой лежит верификативная тема, а для второго типа связности весьма характерны разнообразные контексты верификативных рем. Монологическая связность сопровождается прежде всего нарративный режим повествования и интерпретации, а диалогическая – речевой. Естественно, и в речевом режиме компоненты диалога, относящиеся к речи одного собеседника, могут иметь нарративную структуру: *Пришел Вася*↗, и все сели обедать↘. О противопоставлении нарративного и речевого режима см. Падучева 1996: 13 и далее.

Покажем теперь, что рассмотренная в данном подразделе стратегия отлична от стратегии связного текста, рассмотренной в разделе 1, ср. *Я тогда пиджак*↘ снял↗... . Основанием для сравнения служит восходящий акцент ИК-3, носителем которого в обоих случаях служит глагол.

Обратимся к семантике. В данном разделе была высказана гипотеза, что соединение коммуникативных значений ‘тема’ и ‘верификация’ дает результирующее значение факта, т.е. положения дел, которое действительно имеет место в мире. Если это предположение верно, то в контексте референции к событиям и процессам, которые мыслятся как таковые, т.е. безотносительно к

условиям истинности, и которые, тем самым, противопоставлены фактам, стратегия, обозначающая факт, должна быть не применима. О противопоставлении ‘событие’ vs. ‘факт’ см. Арутюнова 1998: 488-539. И действительно, восходящий акцент на глаголе, говорящий о референции к факту, в лексико-синтаксической структуре, соотносящейся с событием в его протекании, совершенно не уместен:

(12) ? Я в тот момент как раз **разговаривал**↗ по телефону, и поэтому и не заметил, как пришел Вася.

Акцентоносителем темы здесь может служить только словоформа *телефону*, т.е. выбора типа *пошла домой*↗ vs. *пошла*↗ *домой* здесь нет: акцентоносителем восходящего акцента может быть только словоформа *телефону*:

(12b) Я в тот момент как раз разговаривал по **телефону**↗, и поэтому и не заметил, как пришел Вася.

(12c) Я в тот момент как раз по **телефону**↗ разговаривал, и поэтому и не заметил, как пришел Вася.

Между тем стратегия с двумя акцентами, описанная в разделе 1, которая, как мы предположили, не связана с верификацией, в применении к рассматриваемой лексико-синтаксической структуре вполне уместна:

(12d) Я в тот момент как раз по **телефону**↘ **разговаривал**↗, и поэтому не заметил, как пришел Вася.

Итак, стратегия, обозначающая факт, к лексико-синтаксической структуре (12), выражающей событие, не применима. Здесь семантика видо-временной формы глагола и специального – «событийно-процессного» – контекста противоречит коммуникативному значению линейно-акцентной конструкции предложения с ее референцией к факту. Между тем стратегия незавершенности, рассмотренная в разделе 1, у которой подъем тона типа ИК-3 фиксируется тоже на глаголе, но которая также имеет и акцент типа ИК-1 на акцентоносителе именной группы, прекрасно сочетается со значением события, разворачивающегося перед глазами наблюдателя. Значит, эти две стратегии разные. Верификативная стратегия, рассматриваемая в данном подразделе, отлична от той, которая рассмотрена выше в разделе 1.

Заметим, что в рамках семантических структур, которые обозначают или могут обозначать факт, например, предложение (2a) про пиджак, уместны все стратегии – и стратегия, описанная в разделе 1 (ср. пример (13a)), и стратегия, описанная в разделе 2 (ср. пример (13b)), и стратегия, описанная в настоящем разделе 3.2 (ср. пример (13c)):

(13a) Я как раз **пиджак**↘ **снял**↗, и побежал на почту.

(13b) Я как раз снял **пиджак**↗, и побежал на почту.

(13с) Я как раз **снял** ↗ пиджак, и побежал на почту.

Эти примеры показывают, что в рамках одного и того же сюжета говорящий может использовать разные стратегии, которые зависят от его коммуникативного замысла и дискурсивных приемов построения предложения и текста, сложившихся в речи.

Итак, композиция значений темы и верификации образуют идиоматичное значение свершившегося факта, который служит необходимым условием или сигналом для наступления другого события. На значении свершившегося факта строится стандартная фигура текста, повествующего о цепи событий, некоторые из которых понимаются как условия для наступления следующих за ними положений дел. Акцентоносителем верификативной темы служит глагол, и можно заметить, что со статистической точки зрения восходящий акцент типа ИК-3 на глаголе в базе данных нарративных текстов гораздо более частотен, чем нисходящие ИК-1 или ИК-2. В базе данных интервью и допросов удельный вес верификативных рем с нисходящим акцентом на глаголе был бы больше: *Да, **видел**↘; Нет, не **пошел**↘.*

Рассмотрены некоторые русские интонационные стратегии поддержания незавершенности текста в комбинации со значениями контраста, эмпазы и верификации, выражение значений и их композиций средствами изменения частоты тона и выбора словоформ-носителей акцентных пиков, а также особенности функционирования стратегий в тексте.

Литература

Адамец П. (1978) Образование предложений из пропозиций в русском языке. Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia LXIX. Praha.

Арутюнова Н.Д. (1998) Язык и мир человека. М., Языки русской культуры.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (2003) К созданию корпусов устной русской речи. Научно-техническая информация. Сер. 2. N 10. С. 5-12.

Николаева Т.М. (1985) Функции частиц в высказывании. М.

Падучева Е.В. (1989) К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М.

Падучева Е.В. (1996) Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.

Русская грамматика. (1982) Т.1, М., Наука.

Янко Т.Е. (1991) Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2. N7.С. 27-32.

Янко Т.Е. (2001) Коммуникативные стратегии русской речи. М., Языки славянской культуры.

